

Дмитрий Месхиев, РЕЖИССЕР ВОЕННОЙ ДРАМЫ «СВОИ», БОИТСЯ, ЧТО ВЕТЕРАНЫ ВОСПРИМУТ КАРТИНУ ПРЯМОЛИНЕЙНО

Месхиев
12-18 ноября
2004 года

- с. 26

Месхиев Дмитрий

18.11.04

КИНО

Ольга ШУМЯЦКАЯ

В прокат вышла картина Дмитрия Месхиева «Свои», где сделана необычная в нашем кино попытка посмотреть на войну с точки зрения личного выбора. Выбора, который в любом случае заслуживает понимания, а не осуждения. В фильме нет ни героев, ни предателей, ни своих, ни чужих. Трое красноармейцев, сбежав из немецкого плена, попадают в глухую деревню, где живет отец одного из них — немецкий староста, бывший кулак, обиженный на советскую власть. С того момента, как беглецы оказываются в сарае у старосты, мир для них теряет привычные ориентиры. Надеяться не на что. Верить некому. Не верить невозможно. Кто предаст, а кто поможет, не знают даже те, кто в результате и поможет, и предаст. Беглецы не могут ручаться даже друг за друга. Месхиев пригласил самых харизматичных актеров нашего кино — Сергея Гармаша, Константина Хабенского и Богдана Ступку. На последнем Московском международном фестивале «Свои» получили все главные призы — за лучший фильм, за лучшую режиссуру и за лучшее исполнение мужской роли (Богдан Ступка). Вручая приз Месхиеву, председатель фестивального жюри беспрекословный авторитет Алан Паркер сказал, что «Свои» — лучший фильм, который он видел за последние несколько лет.

Накануне премьеры картины режиссер ДМИТРИЙ МЕСХИЕВ ответил на вопросы корреспондента «МН».

— Что вы почувствовали, услышав от Паркера слова, о которых мечтает каждый режиссер?

— Первая реакция — абсолютное удивление. Подобные слова от великого режиссера дорогого стоят. Я не думаю, что он кривил душой. Зачем? И скорее всего не был в эйфории от фильма. Знаете, бывает такая эйфория сразу после просмотра. Но до вручения награды у жюри была неделя, так что его мнение можно, наверное, назвать взвешенным. Для меня это невероятно почетно.

— Эти слова не подняли вашу внутреннюю планку настолько, что вы теперь боитесь не соответствовать этой оценке?

— С одной стороны, подняли. А с другой — я себя все время останавливаю, потому что нельзя думать: теперь я всегда буду снимать такое кино, про которое будут говорить такие слова. Мне кажется, что к подобным вещам нужно относиться не то чтобы проще, но профессиональнее. Очень не хочется заболеть манией величия. Вот я и пытаюсь об этом не думать, хотя делать кино большое, масштабное, напротив, хочется. Теперь, снимая кино не телевизионное, а экранное, я буду очень стараться.

— А что, вы раньше не старались?

— Я и раньше старался, но у меня были другие задачи и другие возможности.

— Что значит другие задачи?

ДМИТРИЙ МЕСХИЕВ ДУМАЕТ О НОВОМ МАСШТАБНОМ ПРОЕКТЕ

Свои — это не наши

— Раньше я снимал фильмы с очень ограниченным бюджетом. В такой ситуации, стараясь ты или нет, невозможно сделать серьезные вещи, все время приходится искать компромиссы, упрощать, топтаться. Сейчас, имея другие возможности, просто не даешь себе слабину. На «Своих» я работал на полную катушку. Мы снимали их столько, сколько нужно, и так, как нужно.

— Какое место «Свои» занимают в вашей личной иерархии?

— «Своих» я сейчас люблю больше всего. Но прошло не так много времени, как мы их закончили, и мои ощущения могут измениться. А если говорить о кинопроцессе, то самое большое удовольствие я получил, когда снимал короткометражку «Экзерсис №5» в альманахе «Прибытие поезда».

— Вы человек достаточно молодой. Почему тема войны вообще возникла в вашем творчестве?

— Все произошло случайно.

Сценарий принес мне Валентин Черных просто для того, чтобы я высказал свое мнение. Он предназначался для Федора Бондарчука. Я прочел и сказал, что сценарий замечательный и если Федя не сможет, я бы им занялся. Через пару месяцев мне позвонили продюсеры из ком-

/// НЕ ВСЕ ПОЛИЦАИ БЫЛИ ПРЕДАТЕЛЯМИ. И НЕ ВСЕ, КТО СЛУЖИЛ НЕМЦАМ, ДЕЛАЛИ ЭТО ДОБРОВОЛЬНО ///

пании «Слово» и сообщили, что сценарий свободен, потому что Федя занимается другим проектом. Потом мы довольно долго переделывали сценарий с Валентином Константиновичем, шлифовали его.

— Мы все представляем войну по фильмам, книгам, урокам истории. Ваша война по чьим рассказам и

представлениям была со-

здана? — По рассказам бабушек, переживших оккупацию в Псковской области. Я до съёмки специально туда ездил, и что-то из их рассказов даже вошло в фильм. Что касается боев, я старался откидывать все, что видел до этого и в на-

такими, какими стали, именно здесь.

— Сегодня для вас кто свой и кто чужой? Вашу картину неизбежно проецируешь на сегодняшний день, когда идет раскол на своих и чужих.

— Да, раскол идет. Но какой? По политическим взглядам? Тогда для меня все свои. По национальности? Тоже. Кроме изуверов. Вот они не свои. Что касается проекции на нынешнюю (чеченскую) войну, я не думал об этом, когда делал кино. Сегодня все-таки другое дело. Тогда были захватчики, было ясно, кто за кого и против кого воюет, а сегодня вообще не разобратся, кто за что бьется.

— Меня поразило в вашем фильме, что вы переоцениваете поведение людей на войне именно сейчас. Было бы объяснить менять представление об этом лет 15 назад, когда разрушались стереотипы, пересматривалась история, ниспровергались герои и авторитеты. Война — единственное в

новейшей истории страны, что по сей день остается священным. Вам не кажется, что у многих вы выбиваете и эту поддержку?

— Никакой поддержки я не выбиваю. Как справедливо сказал Валентин Черных, война — одна из немногих вех в советской истории, которой мы можем гордиться. Я совершенно с ним согласен. И никакой святости мы людям не лишаем, мы не хотим этого делать, и, надеюсь, так не получилось. Просто все было сложнее, чем мы себе представляем. И кино мы делали про то, что на войне все было куда запутаннее и болезненнее, чем многие думают.

— Какой, на ваш взгляд, будет аудитория картины?

— Мне кажется, это люди среднего и старшего возраста.

— Вы не боитесь, что люди, прошедшие войну, упрекнут вас в оправдании предательства?

— Искренне боюсь, что многие ветераны воспримут картину прямолинейно. Но ведь согласитесь, лишь единицы из тех, кто из немецкого плена оказался после войны в советском концлагере, были предателями. И не все полицейские были предателями. И не все, кто служил немцам, делали это добровольно. Если у тебя дети в плену — пойдешь служить, а что делать-то? Как раз эта переоценка ценностей мне кажется очень современной. Мы ничего не ниспровергаем, не пытаемся никого оправдать и сказать, что все предатели были хорошими. Просто не надо осуждать огульно. Я себе сам задавал вопрос: «Дима, если бы жизнь твоих детей зависела от твоего выбора, что бы ты сделал?» Я не смог на него ответить, потому что не попадал в такую ситуацию. Но я совсем не уверен, что с гордым лицом сказал бы: «Пусть погибают дети, а я предателем не стану!» Может, и сказал бы, но ручаться не могу. В этом-то и соль: невозможно судить людей хотя бы потому, что не можешь сам за себя ручаться. Война такая вещь, где однозначных ответов не бывает.

Это была неоправданная жестокость

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Главная тема в новом фильме Дмитрия Месхиева — военнопленные, одна из наиболее трагических страниц в истории Великой Отечественной войны.

Высказать свое мнение по этой проблеме «МН» попросили писателя-фронтовика Дмитрия ГРАНИНА.

— Вы напали на мою больную тему, — говорит писатель. — В русской армии пленным оказывалось полное уважение, солдатам и офицерам, попавшим в плен (за исключением, конечно, тех, которые сдавались умышленно), по возвращении из неволи даже назначались особые

привилегии, потому что считалось, что они претерпели.

В современных армиях, американской, например, я знаю, к пленным такое же уважительное отношение. По приезде на родину их встречают с почетом.

И только у нас на войне все было иначе. Отчасти эту сталинско-бериевскую подозрительность по отношению к пленным можно как-то объяснить тем, что в первый год войны целые армии попадали в окружение и легко сдавались в плен: не хватало оружия, да и состояние духа было безнадежным. Но последующие репрессии по отношению к пленным я считаю возмутительными, это была неоправданная жестокость. **МН**

Свои и чужие подчинялись одной команде — РЕЖИССЕРА

317